

вчера и сегодня
17 декабря 1988
17 лет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

бытовые, иронические, сатирические стихи-зарисовки Саши Черного. Однако со временем песни Галича приобретали все большую социальную остроту и свою собственную, индивидуальную окраску. Трагедийную? Может быть. Но все горше, «злей» становились песни об одиноких женщинах-печальницах, о жертвах сталинских репрессий, протрубивших 20 лет в лагерях и ковырявших лед кайлом, об уходящих друзьях — одних в никуда, других в князья. Среди опубликованных сейчас в журналах стихов Галича есть чистейшая, прозрачная лирика, есть меткие, талантливые, проникнутые духом гражданственности сатиры на богачей, первачей, палачей. И на Галича ополчились. Стали раздаваться угрозы: очернитель, злопыхатель. В ту пору я слышал его в Болшеве в Доме творчества кинематографистов. Галич выглядел усталым. От привычной вальжности не осталось следа. Он был сосредоточен, печален. И от драматических его песен, и от шутивных, прибалтанных, на первый взгляд совсем непритязательных одинаково брала оторопь.

В его песне «После вечеринки» хозяйка включает запись Галича, и какой-то гость говорит:

— От шуточек этих забью,
И автор напрасно думает,
Что сам ему черт не брат!
— Ну, что вы, Иван Петрович, —
Ответит ему хозяйка, —
Бояться автору нечего.
Он умер лет сто назад...
Но при жизни автора ему ничего не про-
стилось.

...Наверное, он мог бы сказать «по-маяковски»: «И мне бы строчить романы на вас — доходней оно и прелестней». И частушкой по струнам — влет, да гитара, как видно, врет... Лишь, мучительна и странна, все одна дребезжит струна, и приладиться к ней, ничьей, пусть попробует кто ловчей!

А я не мог!
Не мог, не хотел даже, не пробовал ловчить. Это была его гражданская позиция. В этом был его характер, убежденность, свое понимание чувства долга и трагическая судьба. После исключения из Союза писателей сказал: «У меня отняты мои литературные права, но остались обязанности — сочинять свои песни и петь их».

О творчестве Галича критики, наверное, еще скажут свое слово. Но сейчас хочется, чтобы его поэзию просто узнали, услышали, оценили широкие читатели. Почин сделан. Сейчас — время публикаций. Уже появившиеся в «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Горизонте», «Литературной России» и некоторых других подготовлены серьезно и обдуманно. Чего, к сожалению, не скажешь о публикации в «Театральной жизни» и особенно в журнале «Литературный Киргизстан», о неудачном цитировании, искажающем смысл стихотворения в рецензии на спектакль «Когда я вернусь...» в журнале «Юность». А ведь этого можно было избежать. Известны первые публикации — Нина Крейтнер и брат поэта Валерий Гинзбург, сохранивший его архив. Конечно, «Эрика» берет четыре копии, есть магнитофон системы «Ауза», этого достаточно! — достаточно для информации, но не для публикации. Любовь к поэту предполагает бережное отношение к его наследию и не терпит лишней суеты.

Б. ГАЛАНОВ

1971 года. Через двенадцать дней его исключат из Союза писателей. Но в отлетающий самолет он войдет только в июне 1974 года...

Я ЗНАЛ Галича в разную пору. Еще в те баснословные времена, когда доживала свой век Китайгородская стена, а за ней на Новой площади, 10, в редакции «Пионерской правды» собирались со свернутыми в трубку школьными тетрадками молодые поэты. Первым тогда стал печататься Евгений Долматовский. А одним из первых, кого публично похвалил Эдуард Багрицкий, был Галич. В канун войны он с энтузиазмом работал как поэт, драматург, актер в необычном театре-студии А. Арбузова и В. Плучека. Театр прожил недолго. Гранула война. Но единственный его спектакль «Город на заре» запомнился. Молодые сыграли в нем самих себя, тех, кому завтра предстояло надеть солдатскую шинель. Галичу досталась в спектакле не самая привлекательная роль — отрицательного секретаря горкома комсомола. Он сыграл его «с психологией»: колеблющимся, не однозначным, за что я, рецензируя спектакль, его упрекнул. Но, по-видимому, Галич не искал для себя ставших уже привычными штампованных решений. На меня он не обиделся. Актером стать не собирался, хотя когда-то учился в театральной студии у самого Станиславского.

После войны пошли пьесы, фильмы, снятые по его сценариям, и среди них широко известные «Верные друзья». Я помню премьеру комедии «Вас вызывает Таймыр» (как и фильм, в соавторстве с К. Исаевым) на сцене Театра сатиры. Ей сопутствовал шумный успех. Это была самая веселая пьеса сезона. В московских квартирах, прежде чем снять трубку зазвонившего телефона, какой-нибудь остряк объявлял: «Вас вызывает Таймыр»... Можно было думать, что у Галича складывается биография преуспевающего литератора.

К этому времени или, может быть, чуть раньше он стал сочинять и петь под гитару. Тогда еще не было в ходу слово «бард». Но Галич стал одним из первых поэтов-бардов. Те ранние песни, что я услышал, чем-то напоминали, если угодно,

В ОТ И СЛУЧИЛОСЬ ТО, что рано или поздно непременно должно было случиться. Поэзия Александра Галича возвращается на родину. Многие давно знали его стихи и песни. Многие сейчас узнают впервые. Но я убежден: те, кто слышал и любил их прежде, как бы заново открыли для себя поэзию Галича нынешней весной и летом, когда несколько «толстых» и «тонких» журналов щедро предоставили свои страницы произведениям Галича. «Когда я вернусь...» — написал он в стихотворении, как каждая строчка — горечь, тоска, надежда и ожидание:

...Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли,
По февральскому снегу,
По еле заметному следу —
И, вздрогнув от счастья,
на птичий твой зов оглянусь, —
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..

А когда я вернусь?!
Увы, при жизни вернуться не пришлось.

Я видел его могилу неподалеку от Парижа, на русском эмигрантском кладбище, где похоронены Бунин и Ремизов, Шмелев и Мережковский... В дальние места, под парижское небо его занесла иная судьба, не похожая на другие. Он стал изгоем не по доброй воле. Видит бог, он не хотел уезжать. Но все двери наглухо захлопнулись перед ним — Союза писателей и кинематографистов, студий, издательств. С ним расторгли договора. Запретили выступать. Всюду загорался красный свет. И только в одном направлении еще мигал зеленый: на Запад, в эмиграцию «добровольно».

Уезжаете? Уезжайте —
За таможами и облака!
От прошальных рукопожатий
Похудела моя рука.
Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете? Воля ваша!
Значит, так по сему и быть!

Я стою... Велика ли странность?!
Я привычно машу рукой!
Уезжайте!
А я останусь.
А я этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой.
Под стихами стоит дата 17 декабря